По крайней мере, мне так сказали". Затем я заканчиваю свой рассказ, когда мы входим в павильон, Аннабет смотрит на меня расширенными глазами и спрашивает: "И теперь я задаюсь вопросом, не являетесь ли вы моим родным братом или сестрой?" Это заставило меня рассмеяться, прежде чем я сказал: "Поверьте, моя мама умная, но не книжная. Да и со стратегиями у него не очень, так что я сомневаюсь, что мы родственники".

Девушка кивает, и тут, к шоку всех, кроме меня, воздух вокруг нас внезапно сгущается и становится намного плотнее, чем раньше, что заставляет меня улыбнуться и произнести: "А вот и они". И я оказываюсь прав: в мгновение ока, заставив всех закрыть глаза, в самом центре павильона появляются олимпийские двенадцать.

Папа, леди Гера, дядя Посейдон, Аполлон и Гермес, дядя Аид и его жена Персефона, Аполлон, охотники Артемиды, которые, очевидно, находятся здесь во имя своей леди, и другие боги и богини - все стоят в центре павильона, и все отдыхающие смотрят на божественных существ.

Краем глаза я вижу, что Перси хочет сделать шаг, но я качаю головой, привлекая его внимание и заставляя его сесть на место, с которого он пытался встать, только мой дядя замечает наше движение, и он улыбается, говоря: "Ааа, Перси Джексон, именно тот полубог, которого я искал". Я тихонько застонал.

Все остальные в это время шокировано и испуганно смотрят на этих двоих, и я говорю: "Дядя, Перси никак не может быть вашим сыном, но почему именно вы его ищете, если можно спросить?" Мужчина улыбается и говорит: "Потому что я хочу, чтобы именно Перси представлял Кэмп, когда я буду заключать с ним сделку".

Я поднимаю бровь и смотрю на Бога Смерти, но тут мой отец прерывает меня и говорит: "Позже, Аид, подожди несколько минут, и ты сможешь заключить свою сделку. Нам еще предстоит дать объяснения, не так ли?" Темноволосый Бог Смерти кивает, и пока Перси настороженно и испуганно смотрит на него, отец громко произносит:

"Присутствующие в Лагере Полукровок. Как вы знаете, сегодня должен был состояться ежегодный День Захвата Флага, но по причинам, которые я вам скоро объясню, я приказал своему коллеге-олимпийцу Дионису отменить сегодняшнее мероприятие. И позвольте мне заверить вас, что мои причины веские и изменят все, что вы когда-либо знали".

Это заставляет многих обитателей лагеря, особенно тех, кто принадлежит к каютам Афины, Аполлона, Гермеса и Ареса, переглядываться и перешептываться между собой, но появление леди Артемиды, перед которой склонились ее Охотники, прекращает это бормотание, и богиня стирает звездную пыль со своего левого рукава, скучающе спрашивая: "Я все еще во времени?"

Мой отец кивает и говорит: "Как вы все знаете, Древний Закон запрещает нам, Богам, напрямую общаться с нашими детьми после их рождения. Однако пророчество, благословившее меня сыном, которого вы все видите перед собой, позволило мне то, чего я даже не мог ожидать за все тысячелетия своего существования".

Волнение пронеслось по всему павильону, как электричество по громовым раскатам и ударам, созданным моим отцом, и мужчина говорит: "Пророчество, предсказавшее мне рождение моего сына, гласило, что через пятнадцать лет после смерти моего сына мне будет позволено помочь ему выковать новую эру Магии и Божественных сил.

Оно предсказало мне, что с помощью моих братьев, сестер, кузенов и детей, рожденных от всех нас, я найду способ вновь соединить магию и Божественные силы воедино, и это станет началом новой Эры. И в то же время оно подсказало мне, что после пятнадцати лет жизни моего сына мне предстоит сделать его жизнь великой.

Благодаря этому пророчеству и силам, стоящим даже выше меня и моего Двора, я смог официально объявить, что Древний Закон, запрещающий нам встречаться или напрямую взаимодействовать, отменен навсегда". И хотя я знал, что у моего отца была чертовски веская причина отменить соревнования "Захват флага", такого я не ожидал.

Чувствуя себя таким же шокированным, как и все вокруг, мои глаза расширились, а рот слегка приоткрылся, и только часть меня уловила, каким довольным и уверенным в себе выглядит мой отец, оглядывая все шокированные и пораженные лица, прежде чем он сказал: "В связи с этим мой Пантеон теперь позаботится о том, чтобы все Неопределенные дети были востребованы".

Это мгновенно заставляет меня повернуться к Перси, и мой шок переходит в счастливую гордость, когда над его головой появляется трезубец морского цвета, шокируя некоторых из окружающих, но не меня, поскольку я уже знал, что этот мальчик - мой кузен со стороны отца, так как его способность успокаиваться вблизи воды делала это очевидным для любого, у кого были глаза.

Затем у всех остальных детей, сидящих вместе с Перси, над головой появляется какой-то символ, и я улыбаюсь, глядя на это, но тут Аннабет отвлекает мое внимание и машет головой, призывая богов. Я смотрю на них, и, к моему шоку, все они смотрят на группу Неопределенных, но не двигаются.

Пораженный тем, что они просто направляют свои силы на детей, но не используют никакой реальной магии, чтобы заявить на них права, я шепчу: "Младшие боги, должно быть, используют свою божественную связь с Олимпийскими Двенадцатью, чтобы духовно прийти сюда и через эту силу забрать своих детей. Ни один неопределенный ребенок не останется невостребованным".

И хотя Аннабет выглядит потрясенной, по выражению ее глаз я могу сказать, что она верит мне, а затем из точки, близкой к Перси, раздается радостный вздох, заставляющий меня посмотреть и увидеть, что над головой Итана сияет символ, изображающий одну линию вниз, другую линию на полпути вверх и два треугольника, обращенных друг к другу.

Символ Немезиды, богини мести". Неудивительно, что Итан был так силен в своем неповиновении тому, что я утверждала". Я тихо шепчу, на моем лице появляется улыбка огромной радости, когда я смотрю на молодого парня и на то, как он смотрит на символ над своей головой своим единственным глазом, широко раскрытым и полным изумления, доказывая, что он все еще был немного скептиком.

Затем все символы угасают, и Аид поворачивается к моему отцу, спрашивая: "Можно?". Отец кивает, и Перси мгновенно оборачивается к Богу Смерти, который улыбается и спрашивает: "Готов ли ты выступить от имени всего Лагеря за эту сделку?" И хотя многие выглядят потрясенными и обеспокоенными, Перси демонстрирует свое мужество, говоря:

"Не раньше, чем я услышу твою сделку, дядя". На лице моего дяди появляется небольшая

ухмылка, а многие дети вокруг меня и Перси задыхаются в шоке от смелости мальчика, прежде чем Аид говорит: "Твоя мать вернулась к тебе - в обмен на то, что мои дети будут приняты всем Лагерем. Как тебе это, сын Посейдона?"

И, скрестив руки и расширив глаза, я думаю: "Это дело решенное". Я ухмыляюсь, когда Перси кивает в знак согласия, а затем спрашивает: "Зачем ты вообще ее взял?" Мне тоже стало любопытно, ведь запах Перси, даже такой сильный, как у него, должен был быть замаскирован тем фактом, что он все еще не знал о своем происхождении.

Аид вздыхает, удивляя многих из окружающих, и говорит: "Я взял ее, чтобы убедиться, что смогу избавить ее от осуждения. Не позволив Минотавру убить ее, я убедился, что смогу обеспечить дом для своих собственных детей, когда эта сделка будет заключена. Я даже не понимаю, почему Минотавр или Фурия пришли за тобой.

Насколько я знаю, оба они находятся под моим командованием, но пока ты не знал об истинном существовании своего отца, они все же смогли выследить тебя и были готовы убить тебя больше, чем любого другого полубога, который пытался добраться сюда. Эта ярость еще больше сбивает с толку, так как я думал, что она и ее братья и сестры в первую очередь были преданы мне".

Это меня очень беспокоит, так как я отчетливо слышу беспокойство и растерянность, звучащие в голосе моего дяди, а затем Итан задыхается и говорит: "Они служат другой силе. Той, что тоже обитает где-то в твоих владениях, но у которой есть - или будет - нечто, что позволит ей покорить тебя. Я... я просто... не знаю, что".

И пока многие в шоке смотрят на юношу, он хмыкает и кладет руку на лоб, его неприкрытый глаз закрывается, а я бормочу: "Твоя мать - богиня мести, поэтому тот, кто пытается свергнуть дядюшку Аида, - это тот, кто в свое время был сильно обижен или как-то иначе оскорблен им.

Дядя, а в подземном мире живет кто-нибудь подобный?" Я спрашиваю, только часть меня регистрирует, как все боги кажутся белыми от осознания, и мужчина вздыхает, говоря: "Я действительно могу подумать о ком-то, мой маленький племянник, но пока эти события, о которых говорит господин Накамура, не произойдут, я предпочту верить, что я знаю лучше".

И хотя это решение беспокоит меня, поскольку тот, кто достаточно могуществен, чтобы заставить богов Олимпа побелеть, не тот, кого можно просто игнорировать, я все же киваю и спрашиваю: "Неопределенные были заявлены, и причина Отмены объяснена. Есть ли еще что-нибудь, что мы, жители Лагеря, должны знать?"

Папа кивает и говорит: "Еще одно правило. Начиная с сегодняшнего дня, оно будет изменено, чтобы защитить всех, кто находится здесь, в Лагере, и в других местах. Раньше запрещалось произносить вслух одно из наших имен, но теперь этого не будет. Вместо этого теперь будет действовать правило, согласно которому те, кто произносит наши имена без уважения, будут предупреждены, а затем наказаны.

Если вы хотите поговорить с кузенами из других кают или бросить кому-то вызов, назвав его по имени и Божественному родителю, это теперь будет принято. Однако если вы произнесете одно из наших имен с намерением оплевать нас, угрожать одному из наших сородичей или иным образом создать угрозу нашему Пантеону, мы узнаем об этом и нанесем удар.

Пусть это будет ясно". Мужчина заканчивает, в его голосе звучит сила, и хотя я не сомневаюсь, что Аннабет поймет это и возненавидит меня за это, я не могу не бросить короткий обеспокоенный взгляд на старшего парня, который был со мной и Перси в хижине моего отца и который, как я знаю, шпионил за мной на берегу реки; Люк Кастеллан.

http://tl.rulate.ru/book/98803/3353312